

— У нас это называют жареными лакомствами: тонкая мука с яйцами, лучше всего жарить на свином сале.

— Раньше в нашем доме не хватало ни одежды, ни денег, поэтому мы никогда не жарили. Я помню, это делали только богатые в городке, и если дети приходили в Новый год, то каждому давали по одному.

— Да, все об этом знают, но у кого есть лишние деньги?

Несколько женщин говорили, одновременно ловко работая, забыв, что сейчас именно в доме Чжэцзы-гэ есть эти деньги, хотя всё решает Цин-гэр.

Столько людей помогало, что работа затянулась до темноты. Лю Яоцину было немного неловко, и он дал каждому по несколько жареных лакомств. Ароматные, золотистые мучные изделия, хрустящие и вкусные, отлично подходили, чтобы отнести домой детям.

Отдельную комнату освободили для хранения жареных лакомств, а также жареного арахиса и прочего, всё было расставлено до отказа.

Ли-ши аккуратно разложила вещи и улыбнулась:

— В прошлые годы мы никогда не видели столько хороших вещей...

— Мама, в будущем у нас будет ещё больше новогодних угощений, можешь не беспокоиться, — улыбнулся Лю Яоцин. — Чжэцзы-гэ сказал, что завтра в деревне будут резать свинью, купим половину туши, на холоде она пролежит долго.

— Зачем так много? — Ли-ши испугалась.

Хотя сейчас свинина была жирной, не каждая семья могла себе её позволить. Даже в зажиточных семьях на Новый год покупали всего несколько цзиней, а Лю Яоцин сразу заговорил о половине туши, что сильно удивило Ли-ши.

— Наша семья теперь совсем другая, — увидев, что Ли-ши всё ещё хмурится, Лю Яоцин решил не продолжать и сменил тему. — Мама, в этом году мы с Чжэцзы-гэ будем праздновать вместе, и вещи тоже сложим в одном месте, ты не против? В теплице сейчас нет лишних людей, вам с отцом нужно за всем следить, иначе хорошие овощи испортятся, и мы потеряем много денег.

— Да, да...

Как только речь зашла о овощах в теплице и деньгах, Ли-ши сразу забыла обо всём остальном и отправилась туда.

Ли-ши и Лю Цюаньцзинь не могли понять многих вещей, ведь они прожили так полжизни, но когда дело доходило до работы в поле и ухода за овощами в теплице, они были на высоте.

Теперь Лю Яоцин понял, что некоторые вещи можно объяснить, а если не получается, то просто занять их работой. В любом случае, он всё контролировал, и в доме всё решал он, так что ничего плохого не случится.

Кроме приготовленных угощений, в этом году у каждого в третьей ветви семьи были новые одежды, включая Чжэцзы-гэ и третьего дядю Цинь. Ткань была прочной, внутри подбита мехом, на ощупь мягкая. У Лю Яоцина было самое толстое пальто, тяжёлое на вес, и несколько

комплектов одежды, один из которых был отложен на Новый год, а остальные он уже носил.

Снаружи Чжэцзы-гэ был одет только в две куртки, не слишком толстые, и его нос слегка покраснел от холода. Потирая руки, он зашёл внутрь и с улыбкой спросил:

— Свинина куплена, висит снаружи. Цин-гэр, мы правда будем праздновать Новый год вместе?

— Конечно, я уже договорился с мамой, — Лю Яоцин приподнял одеяло. — Чжэцзы-гэ, залезай погреться, кан хорошо прогрет.

— Не спеши, мне нужно ещё замочить бобы, — Чжэцзы-гэ потер руки, ещё раз взглянул на Лю Яоцина и вышел, чтобы перебрать и замочить бобы.

Он зашёл не столько чтобы погреться, сколько чтобы посмотреть на Цин-гэра.

Побежав снаружи и убедившись, что работы больше нет, Чжэцзы-гэ вернулся.

На кане стоял низкий столик, на котором лежали жареный арахис, лакомства, две маленькие чашки и кувшин вина «Персиковый нектар». Лю Яоцин пил вино, ел арахис и лакомства, сидя на тёплом кане, накинув на плечи куртку, и наслаждался уютом.

Увидев, что Чжэцзы-гэ наконец залез на кан, Лю Яоцин достал из-под одеяла Мао Бай, который уже был размером с две ладони и был тяжёлым, чтобы согреть руки.

Эта птица ещё не выросла, была круглой и пушистой, целыми днями лежала на кане и играла, не спускаясь на пол, и идеально подходила для согревания рук.

— Чик, — Мао Бай взмахнул крылышками в знак протеста.

— Выходи размяться, не возвращайся под одеяло, — строго сказал Лю Яоцин. — Если будешь всё время лежать под одеялом, никогда не вырастешь!

— Чик, — получив выговор, Мао Бай успокоился.

Вечером замоченные бобы очистили от кожуры, перемололи вместе с водой в густую массу, процедили, чтобы удалить жмых, и сварили, получив нежный тофу. Его можно было есть с сахаром или солёными овощами, и вкус был уникальным.

Вечером съели горячий тофу, а оставшийся положили в корзину, отжали воду и залили свежим соком, чтобы он хранился до конца Нового года.

Это было простое блюдо из обычных бобов, ничего особенного, но оно было необычным, и Лю Яоцин решил, что позже попросит Ли-ши приготовить несколько блюд, чтобы в Новый год угостить гостей чем-то новым.

Спелую клубнику из теплицы все сорвали, всего её было на две ладони, и Лю Яоцин съел её сам.

— Цин-гэр, Хань Да ищет тебя, — Чжэцзы-гэ снова вышел, чтобы отнести третьему дяде Цинь немного еды.

Дом внизу не мог оставаться без присмотра, третий дядя Цинь жил там, присматривая за ним, но на Новый год он обязательно поднимется на гору.

— Что случилось? — Лю Яоцин поднял бровь.

Уже было так поздно, а Хань Да и другие ещё не ушли, видимо, не планировали возвращаться домой на Новый год. Лю Яоцин знал это, но не спрашивал.

Стоя перед каном, Хань Да смущённо улыбнулся:

— Мы тут подумали, всем на горе раздают вещи, а нам почему ничего не дают?

Они больше не могли терпеть, видя, как деревенские семьи готовятся к Новому году, а на горе каждый день приносят в дом всё новые вещи. Деньги от продажи овощей текли рекой в руки Лю Яоцина, а эти крепкие мужчины не знали, что делать.

Раньше они помогали Лю Яоцину, включая топку кана для старика Лю, но заработанные деньги в основном тратили на еду, и теперь у них не было лишних денег на хорошие вещи, не говоря уже о подготовке к Новому году.

— Я уже говорил, — спокойно сказал Лю Яоцин. — Людям из мастерской лепёшек раздают вещи, потому что они работали на меня несколько месяцев. Мы с Чжэцзы-гэ готовимся к Новому году, это не требует объяснений. А вы... почему?

Помогали защищать кукурузу и картофель? Лю Яоцин уже выразил благодарность за это.

Даже место, где они сейчас живут, принадлежит Чжэцзы-гэ, и Лю Яоцин не брал с них арендной платы.

— Мы просто думали, что теперь будем считаться людьми с горы, — Хань Да объяснил. — Су Ци и другие — ваши работники, мы тоже.

— Не говорите так, вы не такие, как Су Ци, — Лю Яоцин поспешил уточнить. — Вы люди императорского двора, и ваш статус другой. У вас нет никаких отношений с нашей семьёй. Я долгое время не спрашивал о вашем истинном статусе, но наши отношения нужно прояснить.

Услышав чёткие слова Лю Яоцина, Хань Да немного расстроился.

До Нового года оставалось всего несколько дней, и он, собравшись с духом, прямо сказал:

— Тогда я не буду скрывать от Цин-гэра и скажу прямо! Мы с братьями раньше действительно были солдатами, и даже неплохо продвинулись. Нас послали сюда, в деревню Шангу, без особых указаний, но за это время мы сами пришли к выводу, что, видимо, должны защищать Цин-гэра?

Такая странная задача?

Хань Да не выглядел лжецом, и, видимо, он действительно так думал.

— Ладно, я не собираюсь копаться в этом, но это касается безопасности семьи, и я должен быть осторожен, — Лю Яоцин потер виски. — Давайте так, в этом году я вам что-нибудь организую. Но в следующем году вы будете работать по моим указаниям, и не будете так свободны...

— Хорошо, — Хань Да был только рад.

В последнее время Лю Яоцин нанимал деревенских людей для работы, платил неплохо, но

редко обращался за помощью к Хань Да и другим, из-за чего они не могли заработать и жили впроголодь, давно завидуя работе на горе.

Договорившись, Лю Яоцин отдал ключ от склада Чжэцзы-гэ, чтобы тот отвёл Хань Да взять немного лепёшек, арахиса и прочего, чтобы как-то встретить Новый год.

На следующий день Ли-ши не пошла в теплицу, а целый день рубила мясо для фрикаделек. Лю Яоцин подумал и попросил Чжэцзы-гэ принести миску.

Миска, полная фрикаделек, накрытая другой миской, была положена в корзину, и Лю Яоцин, взяв её, вместе с Чжэцзы-гэ спустился вниз.

<http://bllate.org/book/16688/1532068>